

НУМИЗМАТИКА И ПРОБЛЕМЫ ТОВАРНО-ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

В. Л. Янин

В ряду разнообразных исторических источников немаловажную роль играет монета. Массовые находки монет способствовали превращению нумизматики — одного из видов коллекционирования — в серьезную историческую дисциплину. От вещеведческого описания, систематизации монетных типов, разработки методических приемов определения и классификации монет нумизматы с накоплением массового материала перешли к историческому анализу монет.

Монета стала исследоваться метрологами,

палеографами, искусствоведами, историками хозяйства, техники и т. д. Такое комплексное исследование сыграло большую роль в изучении монеты, но вместе с тем привело к сужению задач нумизматики. В прошлом нумизматика определялась как наука, задача которой состояла в исследовании «только внешней стороны монеты: ее изображения, надписи, даты и проч. Монеты с точки зрения их внутреннего достоинства входят... в состав другой науки, метрологии; наконец, изучение монет, как денег в народном хозяйстве, есть один из отделов полити-

ческой экономии»¹. Это определение дожило до наших дней и встречается еще на страницах исторической литературы².

Научные цели той дисциплины, которую продолжали называть нумизматикой, ограничивались рассмотрением монеты как источника политической истории. Несомненно, это принесло серьезные результаты, например, в изучении истории древнего Рима и Северного Причерноморья, Золотой Орды и т. д.

Однако раздельное исследование монет учеными различных исторических профилей осуществлялось без должного синтеза специальных достижений.

Целью науки должно служить изучение источника во всей его сложности. Монета как средство денежного обращения возникла и развивалась для обслуживания нужд товарного обращения. Она в первую очередь является памятником товарно-денежного обращения в прошлом. Поэтому основную цель изучения монет составляет исследование истории товарно-денежного обращения по его вещественным остаткам. Оставаясь вспомогательным источником при рассмотрении проблем политической истории, истории искусств, палеографии, истории техники и т. д., монета представляет один из основных источников при изучении проблем товарно-денежного обращения.

В древней Руси IX—XI вв. как средство денежного обращения в значительном количестве употреблялись иноземные серебряные монеты. В последующее время, до начала собственной массовой чеканки серебряной денги, серебро обращалось в виде денежных слитков.

Картографирование находок куфических монет, а также западноевропейских монет XI в. было в основном завершено к концу 20-х годов XX века. Тогда же были закончены топографические сводки находок слитков, русских монет рубежа X и XI вв. и монет XIV—начала XVI в., кладов пражских грошей, обращавшихся в XIV—XV вв. в Западной и Южной Руси³. В ре-

зультате были учтены все виды монет, имевших хождение на Руси с IX до начала XVI в., кроме византийских, которые редко встречаются в русских кладах IX—XI вв., и джучидских, обращавшихся преимущественно за пределами Руси. К настоящему времени на территории Восточной Европы учтено до 500 находок куфических монет, до 150—западноевропейских монет X—XI вв., до 175 находок слитков, до 100—пражских грошей, до 30—русских серебряников X—XI вв., до 160—русских монет XIV—начала XVI века. Большую часть этих находок составляют монетные клады.

Это обилие материала дает возможность сделать интересные выводы, особенно для наиболее отдаленного времени. Достаточно сказать, что около половины сведений в топографии монетных находок относится к IX—XI векам.

Между тем нумизматические материалы пока еще недостаточно и поверхностно используются историками. Историческая наука привлекает иногда нумизматические сведения столетней давности, и то лишь в качестве иллюстрации⁴.

Исследование топографии монетных кладов помогает уточнить карту торговых путей. Представления о карте торговых путей Киевской Руси, изложенные в известной работе П. Г. Любомирова⁵, основаны на топографии восточных монет; эти представления широко бытуют в советской исторической литературе.

Однако работа П. Г. Любомирова страдает многими недостатками. В ней отсутствует последовательный историзм в изучении монетной топографии. Монетные материалы использованы без учета их хронологии, при составлении карты торговых путей были сведены вместе клады IX, X и XI веков. В результате воспроизведена некая средняя картина, отличающаяся от действительной.

А. А. Ильин. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пбг. 1921; А. А. Сиверс. Топография кладов с пражскими грошами. Пбг. 1922; А. А. Ильин. Топография кладов древних русских монет X—XI вв. и монет удельного периода. Л. 1924.

⁴ В этом отношении особенно показательное издание «История Москвы». Т. I. М. 1953.

⁵ П. Г. Любомиров. Торговые связи древней Руси с Востоком в VIII—XI вв. (Преимущественно по данным о кладах восточных монет.) «Ученые записки Государственного Саратовского университета». Т. I. Вып. 3. Саратов. 1923.

¹ «Нумизматический сборник». Т. I. М. 1911, стр. V—VI.

² См. Л. В. Черепнин. Русская метрология. М. 1944, стр. 13—14.

³ А. К. Марков. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб. 1910; Р. Р. Фасмер. Список монетных находок (I и II). «Сообщения ГАИМК»: т. I. Л. 1926; т. II. Л. 1929. N. Bauer. Die russische Funde abendländischer Münzendes 11 und 12 Jahrhunderts. Berlin. 1929, 1930. Его же. Die Silber und Goldbarren des russischen Mittelalters. Wien. 1929, 1931;

Не изучив ранних кладов куфических монет, Любомиров признал исходной датой активной торговли Руси с Востоком начало VIII века⁶. Между тем до настоящего времени на территории Восточной Европы не зафиксировано ни одного клада куфических монет ранее конца VIII века. Неверно освещен Любомировым и вопрос о времени наибольшего усиления этой торговли, каковым он считал IX век. Монеты омейядов и аббасидов VIII и IX вв. подсчитаны им по числу кладов, в значительной части которых они встречаются единицами. В действительности наибольшего расцвета торговля Руси с Востоком достигла в первой половине X в., и наиболее обильны в наших кладах монеты саманидов.

П. Г. Любомировым были исследованы крайние пункты торговли Руси с Востоком. В качестве международных рынков на территории Восточной Европы он называет хазарский Итиль и волжский Булгар. Первому отдается явное предпочтение. Главнейшим путем восточной торговли Любомиров считал путь из Хазарии по Донцу в Киев, а отсюда на север по Днепру в Западную Европу. Именно таким путем оседали, по мнению Любомирова, восточные монеты на всей территории южной Руси, у радимичей, древлян, дреговичей, на Смоленщине и в Псковщине. Булгар якобы имел значение рынка лишь для северных областей Руси — Новгорода и вятичей.

Переоценка хазарского пути нашла отражение в ряде других трудов⁷. В действительности хронологический анализ русских находок монет раннего времени показывает, что весь комплекс монетных находок на нижней Волге и на Донце, который можно было бы связывать с торговым движением непосредственно с территории Хазарского каганата, состоит из одного клада начала IX в. и десятка отдельных монет в большинстве VI—VIII веков. На протяжении IX—X вв. единственным местом, через ко-

торое шла торговля Руси с Востоком, фактически был Булгар. Кризис в производстве восточного серебра в то время привел к падению ввоза восточной монеты на Русь и к сокращению ареала распространения куфической монеты в Восточной Европе. Первыми из этого ареала выпали южные области Руси, наиболее отдаленные от Булгара. Если на значительную территорию Руси дирхем продолжал поступать до 1014 г., то на юге после 964 г. он не имел распространения — по Оке ниже Рязани, по Десне ниже Стародуба, по Днепру ниже Могилева. Три клада рубежа X и XI вв. на Украине носят случайный характер и не идут ни в какое сравнение с обилием южных кладов до 964 года.

Представление о первостепенной роли хазарского торгового пути привело к выводу об исключительном значении днепровского пути уже в IX в., поскольку последний, исходя из выводов П. Г. Любомирова, был естественным продолжением пути по Донцу на север. Однако хронология кладов свидетельствует о том, что Днепр на всем его протяжении к северу от Киева заметно использовался лишь в первой четверти IX в., а затем с начала X века. С 825 по 900 г. никакого движения на этом пути не прослеживается: здесь не обнаружено ни одного клада этого времени. Сколько-нибудь заметное проникновение византийских монет в Восточную Европу начинается также только во второй половине X века.

Хронологическое смещение материала привело П. Г. Любомирова к ошибочным выводам о характере торговых связей древней Руси в IX—X вв. со странами Западной Европы. Обилие кладов монет на Готланде, которые, безусловно, прошли через Русь, создало впечатление об исконной оживленности русско-скандинавской торговли. Поскольку проникновение восточной монеты в Европу было вызвано потребностями населения Готланда, утверждали норманисты, обилие кладов между Волгой и берегами Балтийского моря является следствием мощных арабо-скандинавских связей. В 20—30-х годах эти взгляды наиболее открыто развивались норманистом Н. П. Бауером⁸.

⁸ N. Bauer. Die russischen Funde abendländischer Münzen и т. д.; его же. Автореферат указ. соч. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1933, № 9—10; его же. Денежный счет Русской Правды. Сборник «Вспомогательные исторические дисциплины». М.-Л. 1937. К сожалению, эти неправильные взгляды некри-

⁶ Этот вывод повторяется и в других трудах. См. А. Д. Гусаков. О некоторых явлениях в денежном обращении древней Руси. «Известия АН СССР. Отд. экономики и права». 1946, № 3, стр. 243—245. Ср. В. В. Мавроди. Образование древнерусского государства. Л. 1945, стр. 135, 180.

⁷ См. Ю. В. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.-Л. 1930; Б. Д. Греков. Киевская Русь. М. 1949, стр. 435. П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. I. М. 1947, стр. 98 и сл.; А. Д. Гусаков. Указ. соч., стр. 244.

Но хронология и топография кладов куфических монет на Западе опровергают представление об исконном участии скандинавов в торговле Руси с Западом. По нумизматическим данным, в конце VIII—первой четверти IX в. Готланд, Эланд, материковая Швеция, Норвегия и Дания не играли в этой торговле той роли, которую им приписывают. Монетные клады этого периода последовательно концентрируются на территории балтийских славян, по польскому и германскому побережью Балтийского моря. Западная торговля древней Руси начинается как межславянская торговля, скандинавы активно включаются в нее лишь к середине IX века.

Анализ монетной топографии в значительной степени направляется односторонними представлениями об определяющей роли транзита в торговле этого времени. Норманны «прошли всю Восточную Европу вдоль и поперек,—писал Н. П. Бауер,—их же, вероятно, и разумеет Ибн-Фодлан, говоря о русских, что они массами накапливали диргеми и, набрав 10 тыс. штук, одаривали жен своих цепями. Норманы доставляли эти же диргеми в огромных количествах к себе на родину, а также морем в Польшу и к другим западным славянам»⁹. По мнению Б. А. Романова, «продолжительное бытование на территории Восточной Европы иноземных монет, бывшее результатом временного положения ее в международной торговле, не отражало внутренней потребности русской экономики в мелких металлических платежных (?) знаках»¹⁰.

Нет сомнения в том, что роль международной торговли тогда была очень велика. Обилие кладов восточных монет в Западной Европе свидетельствует об интенсивном движении товаров через обширные территории Восточной Европы. Однако проникновение диргема в Восточную Европу ни в коей мере не вызывалось потребностями лишь транзитной торговли. Кладов куфических монет IX—X вв. здесь намного больше, чем в Западной Европе. Приводимые часто в литературе результаты подсчета восточных монет в кладах

Готланда (38 тыс. целых и обломков)¹¹ не сопоставляются с данными о восточных монетах в русских кладах (более 200 тыс. экземпляров только в подсчитанных кладах). Большое количество монетных находок на Готланде вполне объяснимо. Однако на территории Восточной Европы можно назвать не один пункт, который соперничает с Готландом, если не по густоте находок, то по количеству обнаруженных там куфических монет. Более того, некоторые русские клады по количеству найденных в них монет превосходят всю совокупность монет в кладах Готланда: в Великолукском кладе 1803 г. было обнаружено свыше 7 пудов куфических монет, в Ладожском 1810 г.—больше 7 пудов, в Струповском кладе 1883 г. близ Гомеля—свыше четверика монет и т. д.

Однако решающие результаты дает топография русских кладов. Начиная со второй четверти IX в. большинство наших кладов расположено на внутрирусских торговых путях, не связанных с товарным движением в Западную Европу. Из 34 кладов 825—900 гг. географическое положение 20 кладов таково, что можно уверенно говорить о появлении их на Руси в связи с внутренней потребностью в монете.

Топография монетных находок помогает определить степень распространения монеты в различных областях древней Руси. Так, на территории Смоленщины, в области расселения радимичей, в Восточной Белоруссии обнаружены только клады начала IX в., связанные, несомненно, с транзитом по Днепру, и богатые по содержанию клады X века. Здесь с 824 г. до начала X в. не отмечено ни одной находки, в то время как на Киевщине, в земле вятичей, кривичей и в Новгородской земле они попрежнему многочисленны. Временное сокращение ввоза восточной монеты в IX в. сказалось прежде всего на областях, тесно связанных с транзитным движением.

Важным показателем состояния внутреннего денежного обращения является степень развития денежных систем. Древние русские денежные системы изучались по монетам многими учеными¹². Построе-

тически воспроизводились и позднее. См., например, П. И. Ляшенко. Указ. соч., стр. 99; А. Д. Гусаков. Указ. соч., стр. 244.

⁹ Н. П. Бауер. Денежный счет Русской Правды. Сборник «Вспомогательные исторические дисциплины», стр. 226.

¹⁰ Б. А. Романов. Деньги и денежное обращение. «История культуры древней Руси». Т. I. М.-Л. 1948, стр. 390.

¹¹ Б. Д. Греков. Указ соч., стр. 434; «История СССР». Т. I, под ред. Б. Д. Грекова. Госполитиздат. 1947, стр. 70; А. Д. Гусаков. Указ. соч., стр. 243 и сл.

¹² Д. И. Прозоровский. Монеты и вес в России до конца XVIII столетия. СПб. 1865; И. И. Кауфман. Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейшего времени. СПб. 1906; Н. П. Бауер. Указ. соч.

ния Н. П. Бауера не нашли отклика у советских историков в силу их откровенно норманистских тенденций. Напротив, концепция Кауфмана очень популярна и до сих пор излагается в учебных пособиях в качестве общепризнанной¹³.

И. И. Кауфман, по словам К. Маркса, «Пиндар современного биржевого плутовства»¹⁴, никогда не был нумизматом; вещественные и письменные памятники изучены им весьма поверхностно. Его выводы о происхождении русской денежно-весовой системы сводятся к следующему. В VIII в. Русь заимствовала у арабов ротль, или фунт, в 409,512 г, и дирхем, составлявший 1/144 этого фунта. Свои заключения Кауфман обосновывал ссылками на никогда не существовавшие серебряные фунтовые слитки и на неизменный, по его мнению, вес дирхема с VIII по XI века. Место русских денежных единиц — гривны, куны, ногаты, резаны, верерицы — в этой чисто арабской системе не было указано. Основная проблема изучения древнерусской денежно-весовой системы не была решена. Реконструировалась же какая-то искусственная система, не отраженная в письменных источниках и не подтверждаемая вещественными памятниками денежного обращения. По теории Кауфмана, употребление в древней Руси весовых единиц относится к началу VIII в., а при современном уточнении хронологии находок — к IX веку. Существование весовых единиц в Восточной Европе в более раннее время Кауфман отвергал.

Концепция Кауфмана вызвала возражения А. Л. Монгайта¹⁵. Однако он не использовал полностью фактический материал денежного обращения древней Руси и не связал свои выводы с весом монет. Его выводы представляют разновидность теории о заимствовании русскими восточной весовой денежной системы.

Обращение к богатому вещественному материалу русских кладов заставляет отказаться от искусственных построений теории Кауфмана. По данным договоров Руси с греками и древнейшей редакции Русской Правды можно реконструировать русскую

гривну IX—X веков. Она весила 68,22 г. Массовое взвешивание куфических монет того же времени позволяет сопоставить их с русской денежной системой: дирхем VIII и IX вв. весом около 2,73 г занимал в ней место куны ($1/25$ гривны); в дальнейшем, когда в последней трети IX в. вес восточной монеты перестал быть постоянным, на Руси сортировали дирхемы, отбирая соответствующие по весу куны и введя в начале X в. еще одну норму — ногату ($3,41 \text{ г} = 1/20$ гривны). Обе группы отсортированных таким образом монет хорошо прослеживаются в русских кладах первой половины X века. Реконструированная гривна в 68,22 г метрологически связывается с римским денарием первых веков нашей эры (весом 3,41 г; в гривне, таким образом, содержится 20 римских денариев), имевшим массовое употребление у всех славянских народов. Это обстоятельство отчасти хорошо объясняет тождество терминов — «гривна» и «куна» в славянских языках. Таким образом, денежная система Руси IX—X вв. восходит к очень древней денежно-весовой системе, которая в IX в. быстро совершенствовалась.

Важным моментом в развитии древнерусского денежного обращения было возникновение в середине X в. двух локальных систем. Это прослеживается на материале монет Березовского и Стародзедзинского кладов и на русских весовых гирьках второй половины X века. В основу северной системы была взята гривна весом 51,19 г, употреблявшаяся в балтийской торговле, в основу южной — русская литра весом около 163 г, составлявшая половину византийской литры. По системе русского денежного счета с северной гривной соподчиняются обрезанные монеты Березовского клада, западноевропейские денарии и строится позднейшая «гривна серебра» весом 204,756 г. В систему южной литры входят обрезанные монеты Стародзедзинского клада, киевские сребренники и киевские шестигульные слитки. Представления о сохранении единой денежной системы до XIV в.¹⁶ приводят к выводу о слабости внутреннего товарно-денежного обращения древней Руси вплоть до этого позднего времени. Между тем формирование в X в. местных систем говорит о развитии внутренних товарных связей в пределах определенных областей, об известной

¹³ См. Л. В. Черепнин. Указ. соч., стр. 30; Н. В. Устюгов. Очерк древнерусской метрологии. «Исторические записки». Т. 19, стр. 309 и сл.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXVII, стр. 34.

¹⁵ А. Л. Монгайт. Рязанские гирьки. «Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР». Вып. XIV. М.-Л. 1947, стр. 61—69.

¹⁶ См. Г. Б. Федоров. Деньги Московского княжества времени Дмитрия Донского и Василия I. «Материалы и исследования по археологии СССР». Т. 12. М.-Л. 1949, стр. 144.

экономической сплоченности отдельных территорий и постепенном образовании местных рынков.

Исследователи, отрицавшие потребность древнерусской экономики в мелких денежных знаках, ссылались на так называемый «отказ» от мелкой монеты и переход к исключительному употреблению крупных денежных слитков.

Археологические раскопки последних лет со всей наглядностью показали, что в действительности в тот период, когда наблюдался «отказ» от монеты (на юге в начале XI в., на севере в начале XII в.), в русском ремесле происходили серьезные изменения. На смену кропотливой работе на заказ приходит массовое изготовление продукции на рынок¹⁷. Печерский Патерик рисует картину киевского торгового рынка именно как рынка мелкой розничной торговли. Казалось бы, как раз в это время должна была быстро расти потребность в мелких денежных знаках.

Повидимому, «отказ» от монеты был вызван не внутренним состоянием русской экономики, а тем обстоятельством, что древняя Русь была лишена в то время собственных источников серебра. До этого потребность в нем удовлетворялась ввозом, главным образом, иноземной монеты. Значительный отлив серебра в Восточную Европу вызвал истощение ресурсов Востока, и с XI в. там не производилась чеканка серебряной монеты. Вследствие сокращения ввоза серебра дирхем уже к 964 г. прекратил хождение в южнорусских областях¹⁸. Приток же в Русь западноевропейских монет начался лишь на рубеже X и XI веков. Попытка заменить восточный дирхем чеканкой собственного серебра не удалась¹⁹. По мнению Ф. И. Михалева, выпуск сребреников был принят кн. Владимиром для вытеснения иноземной монеты собственными денежными знаками и явился свидетельством экономической мощи Киевского государ-

ства²⁰. Однако древнейшие русские монеты были выпущены в тот момент, когда дирхем на юге уже полностью исчез из обращения. Для экономической же характеристики реформы важен не самый факт выпуска сребреников, а быстрое прекращение их чеканки.

На протяжении XI в. область обращения западного денария на севере (в южные районы древней Руси он вообще не проникал) также постепенно сокращалась и сошла на нет к началу XII века. Прекращение ввоза западной монеты объясняется тем, что длительная фальсификация сеньерами в фискальных целях настолько ее обесценила, что к началу XII в. она уже не могла служить целям внешнего обмена.

«Отказ» от монеты в древней Руси был, таким образом, не сознательным, а вынужденным. Он вызывался не внутренним состоянием русской экономики, а состоянием сырьевой базы денежного обращения.

Письменные источники так называемого безмонетного периода, продолжавшегося до второй половины XIV в., показывают, что в этот период существовала и развивалась разветвленная денежная терминология, эволюционировали системы денежного счета. При этом чаще всего источники называют именно мелкие денежные единицы, которые употреблялись в розничной торговле.

Следовательно, «отказ» от монеты не был отказом от мелкого обращения вообще, а только от одной из форм мелкого денежного обращения — употребления металлической монеты. Чем эта монета могла быть заменена?

По свидетельству источников, место металлической монеты заняли различные формы товаро-денег, среди которых чаще всего называются меха. Возникшее в русской исторической литературе еще в XVIII в. представление об обращении в то время кожаных денег теперь опровергнуто. Но теория обращения мехов также должна быть подвергнута критике.

Нельзя считать употребление мехов общерусским явлением, определявшим денежное обращение того времени. Хождение мехов в качестве средства обращения экономически вполне возможно, но оно обладало некоторыми особенностями, которые не позволяли ему стать всеобщим. Быстрая стираемость мехов обуславливала необходимость индивидуальной оценки каждой шкурки, фигури-

¹⁷ См. Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М. 1948, стр. 520—521.

¹⁸ Этот факт сам по себе достаточно ярко характеризует наличие сильнейшей потребности русской экономики в монете. Несмотря на сокращение ввоза серебра в Русь во второй половине X в. сравнительно с первой половиной этого столетия, абсолютное количество ввозимого в это время металла было значительно большим, нежели в IX веке. Тем не менее вся эта масса монет поглощалась внутренним денежным обращением территориально меньшей области.

¹⁹ См. Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 104.

²⁰ Ф. И. Михалевский. Очерки истории денег и денежного обращения. Т. I. Госфиниздат. 1948, стр. 239—242.

рующей в акте купли-продажи. Следствием этого явилось очень развитие в древней Руси понятие сорта мехов. Сохранение системы денежного счета и тем самым сохранение постоянной оценки шкурки, независимо от ее состояния, превращало меха в кредитные деньги. Между тем кредит в рамках простого денежного обращения имел лишь узко локальный характер²¹.

Поэтому можно предполагать, что система денежного счета в безмонетный период обеспечивалась употреблением товаро-денежного характера, именно: некоторых распространенных и имевших постоянную и хорошо известную населению стоимость предметов ремесленного производства, которые могли временно приобретать функции покупательного средства. К таким стандартизованным и широко распространенным в древней Руси предметам могли относиться в первую очередь различные бусы, стеклянные браслеты, шиферные пряслица, ранние формы которых часто встречаются в монетных кладках XI века.

Но почему все же этот период был безмонетным? Ведь на Руси к началу безмонетного периода скопились значительные запасы серебра. Только в зафиксированных кладках общий вес серебряных слитков составляет несколько сот килограммов. Громадное количество слитков пошло на чеканку русской монеты в XIV—XVI веках. Русское серебро было основной базой массовой чеканки джучидской монеты. Наконец, много серебра ушло на литье серебряной утвари и украшений; какая-то часть его, повидимому, сохранилась до наших дней в ювелирных изделиях. Общее количество серебра было, вероятно, достаточным для начала монетной чеканки. Ведь когда во второй половине XIV в. эта чеканка началась, ресурсы серебра в результате монгольского нашествия были менее значительными, нежели в XII веке.

Отсутствие собственной чеканки русских монет в более раннее время объясняется прежде всего состоянием экономики того времени. Фонд серебра существовал в разпыленном виде. Сокровищницы князей, бояр, купечества были многочисленны, но недостаточны для обеспечения местной чеканки. Только значительная концентрация денежного металла могла удовлетворить товарное обращение собственной монетой и сделать монетную чеканку экономически выгодной.

Значительный ущерб образованию такого

фонда на Руси, несомненно, нанесло татаро-монгольское нашествие. И только в процессе экономического и политического возвышения Москвы такой фонд, наконец, образовался и лег в основу русской самостоятельной чеканки²². Экономическое развитие других областей производства привело к возникновению местных фондов и к началу чеканки монеты в Твери, Нижнем Новгороде, Рязани, Новгороде, Пскове и т. д.

В течение безмонетного периода русские денежные системы продолжали развиваться. Это вызывалось в первую очередь процессом образования местных рынков. Если к началу безмонетного периода существовали только две локальные денежно-весовые системы, то к концу этого периода возникло уже несколько областных систем; с возобновлением чеканки монет сохранялось местное своеобразие сложившихся областных денежных систем.

Для выяснения этого своеобразия, которое имеет исключительно важное значение для изучения особенностей экономики отдельных русских областей, необходимо всесторонне исследовать процесс возобновления местной чеканки монеты. Эта задача не может быть решена до тех пор, пока находящиеся в руках нумизматов не определенные монеты XIV в. будут преобладать над уже определенными. К настоящему времени накопилось значительное количество таких неприуроченных монет, относящихся, несомненно, к XIV веку. Некоторые типы этих монет встречаются в большом количестве экземпляров, что свидетельствует об их серьезном значении в развитии денежных систем.

В связи с этим следует остановиться на разборе концепции Г. Б. Федорова, уже получившей признание в нашей исторической литературе²³. Сущность этой концепции заключается в том, что в основу чеканки московских денег лег серебряный слиток-рубль весом 97,5 г. Из этого слитка будто бы чеканилось 106 денег, из которых 100 составляли счетный московский рубль, а 6 отчислялись в виде «княжеской тамги». Вес денги, таким образом, приравнивается к 0,92 г. Происхождение этой исходной нормы Г. Б. Федоров объясняет следующим обра-

²² К сожалению, такое важное событие, как возобновление чеканки монеты в Москве, не освещено должным образом ни в «Истории Москвы», ни в «Очерках истории СССР», ни в учебных пособиях по истории СССР.

²³ Г. Б. Федоров. Указ. соч.; «Очерки истории СССР. Период феодализма». Т. II. М. 1953, стр. 90.

²¹ См. К. Маркс. К критике политической экономии. Госполитиздат. 1953, стр. 111.

зом. Рубль составляет половину древней гривны, которая первоначально весила 204 г (сравни выше). Эта гривна «испытывала ту же эволюцию веса, что и монета», и к XIV в. упала в весе на 4,6%, «что является обычным процентом падения для монетных единиц средневековой монетной системы»²⁴.

Находит ли эта концепция подтверждение в источниках? Сравнением обычного веса слитков XII и XIV вв. установлено, что никакого падения нормы они за этот период не испытывают. Слиток XII в., так же как и слиток XIV в., по своему весу обычно бывает ниже теоретической нормы. Это отклонение вполне понятно, так как слитки, возникнув из счетных единиц, могли дозироваться только одним способом: они выплавлялись из монет и серебряного лома, по весу эквивалентному теоретическому весу слитка. При переплавке угар известного количества серебра неизбежен, и в силу этого вес слитка всегда окажется более низким, чем его теоретическая весовая норма.

Теоретически падение веса слитков при отсутствии одновременного обращения мелкой монеты — вещь невозможная. Отклонение денежных единиц от весовых, о котором говорит Г. Б. Федоров, Маркс объяснял стиранием в процессе обращения и сознательной фальсификацией монеты, падение которой влечет за собой падение и основных единиц денежной системы²⁵. На Руси в безмонетный период подобных условий денежного обращения не было.

²⁴ Г. Б. Федоров. Указ соч., стр. 148.

²⁵ См. К. Маркс. Капитал. Т. I. Госполитиздат. 1953, стр. 106, 133.

Счетный рубль Дмитрия Донского приравнивается Г. Б. Федоровым к 92 г, а вес денги — к 0,92 г. При этом Федоров опирался на расчеты С. И. Чижова, установившего средний вес денег Дмитрия в 20,14 доли, которые, по вычислениям Федорова, и равны 0,92 г. В действительности, 20,14 доли равны 0,886 г. Таким образом, никакого соответствия не наблюдается.

Проблема происхождения московской денежной системы еще не решена. Ее решение лежит на пути изучения неприуроченных денег XIV века. Среди последних имеется большая группа монет, которые отличаются от монет Дмитрия только отсутствием имени великого князя и совпадают с ними во всех остальных деталях²⁶. Эти монеты имеют постоянный вес 1,02 г, точно соответствующий теоретической норме $\frac{1}{100}$ русского рубля ($102 \text{ г} = \frac{1}{2}$ от 204 г; см. выше).

Поэтому можно предполагать, что мысль Г. Б. Федорова о преемственности московской системы от древнерусских денежно-весовых систем правильна. Представления И. И. Кауфмана о происхождении русских денежных систем XIV в. от татарской системы, получившие распространение в нашей литературе²⁷, не имеют под собой прочного основания.

²⁶ А. В. Орешников. Русские монеты до 1547 г. М. 1896, №№ 898—904.

²⁷ Л. В. Черепнин. Указ соч., стр. 47 и сл.; П. И. Лященко. Указ. соч., стр. 212; Ф. И. Михалевский. Указ. соч., стр. 243.